

Кучумов Игорь Вильсович

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ПЕРВОЙ
ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 Г.**

В статье рассматриваются демографические показатели русского населения Уфимской губернии в 1897 г. Особое внимание уделяется критериям этнической идентичности. Показано, как процесс изменения идентичности с конфессиональной на этническую отражался на результатах численности населения по Всероссийской переписи населения 1897 г. Дана социально-экономическая характеристика русского населения Уфимской губернии по данным указанной переписи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-3/26.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. III. С. 100-103. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Архивный отдел Администрации округа Муром (АО АОМ).** Ф. 10. Оп. 1.
2. **Банникова Е. В.** Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневной жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13). Ч. II. С. 21-24.
3. **Воспоминания Р. Г. Кротовой:** записаны С. Курасовым 19 мая 2011 года.
4. **Горбачева В. Ю.** Экономические формы состязательности: рыночная конкуренция и социалистическое соревнование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. 2008. Вып. 2. С. 145-149.
5. **Государственный архив Владимирской области (ГАВО).** Ф. Р-1860. Оп. 1.
6. **Дзюбенко П. В.** Социалистическое соревнование и коммунистическое воспитание. М.: Мысль, 1984. 203 с.
7. **Дианов В. С.** Деятельность КПСС по дальнейшему развитию социалистического соревнования, повышению его влияния на эффективность общественного производства в 1971-1980 годы (на материалах автономных республик Волго-Вятского экономического района): дисс. ... к.и.н. М., 1984. 216 с.
8. **Дианов С. А.** Социалистическое соревнование в органах советской цензуры в эпоху «сталинизма» (на материалах Урала) // Научный диалог. 2013. № 1 (13): История. Социология. Экономика. С. 35-45.
9. **Иноземцев Е. Н.** Идеологические аспекты становления новых форм организации и стимулирования труда (в сфере промышленных предприятий): дисс. ... к. филос. н. М.: АОН, 1984. 192 с.
10. **История российской повседневности: актуальные проблемы:** монография / под общ. ред. С. Д. Морозова, В. Б. Жиромской. Пенза: РИО ПГСХА, 2012. 176 с.
11. **Морозов А. С.** Проблемы социалистического соревнования производственных бригад в годы первой пятилетки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29). Ч. II. С. 149-151.
12. **О социалистическом соревновании фабрик и заводов:** Постановление ЦК ВКП(б) от 9 мая 1929 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1967 гг.: сборник документов за 50 лет. М.: Политиздат, 1967. Т. 2. 1929-1940 гг. С. 53-55.
13. **Соколов А. К.** Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // Социальная история: ежегодник. М.: РОССПЭН, 2005. С. 7-52.

**SOCIALIST COMPETITION AS WAY OF EVERYDAY LIFE ORGANIZATION
OF THE SOVIET HIGHER EDUCATION ESTABLISHMENTS (BY THE MATERIALS OF VLADIMIR REGION)**

Kurasov Sergei Aleksandrovich

*Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
kurasov-serg@mail.ru*

In the article socialist competition in the light of the history of everyday life is covered. The author considers by the materials of Vladimir region competition as a way of everyday life organization of the higher education establishments of the USSR. This allows singling out the specific features of socialist competition in the Soviet higher education establishments, which are a peculiar catalyst of the everyday practices of educational institutions.

Key words and phrases: socialist competition; history of everyday life; competitiveness; competition; everyday practices; the Soviet way of life.

УДК 314.122

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются демографические показатели русского населения Уфимской губернии в 1897 г. Особое внимание уделяется критериям этнической идентичности. Показано, как процесс изменения идентичности с конфессиональной на этническую отразился на результатах численности населения по Всероссийской переписи населения 1897 г. Дана социально-экономическая характеристика русского населения Уфимской губернии по данным указанной переписи.

Ключевые слова и фразы: русские; Уфимская губерния; переписи населения; этническая идентичность; конфессиональная идентичность.

Кучумов Игорь Вильсович, к.и.н., доцент

*Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева
Уфимского научного центра Российской академии наук
ivku@yandex.ru*

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ
ПО ПЕРВОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 Г. ©**

Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. – важный источник по этнодемографии населения России, но, к сожалению, далеко еще не освоенный нашими исследователями. Между тем, на Западе интерес

к этому источнику большой [9]. Как правило, основным препятствием для анализа собранных в ходе переписей материалов по этническому составу населения являются не соответствующие современным представлениям критерии определения этничности. Перепись 1897 г. зафиксировала домодернистские представления об «этнической» принадлежности, в то время как в переписях 1926 г. и последующего времени критерии определения этнической принадлежности были уже иные.

Впервые этническая принадлежность человека в ее нынешнем понимании (по самосознанию) была легитимизирована в ходе проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г. В 1897 г. «за признак разграничения народностей» был принят родной язык [1, с. VII] – признак, который в советских переписях станет самостоятельным показателем, описывающим не этническую принадлежность, а степень владения государственным языком страны. Дополнительным признаком этничности в переписи 1897 г. было вероисповедание – критерий, который из советских переписей и социологических опросов уйдет вовсе, а в постсоветское время станет вспомогательным при проведении социологических опросов.

В период модерна этническая принадлежность станет определяться самосознанием, а определение родного языка будет привлекаться для получения дополнительных характеристик этнических процессов. Фундаментальные различия между характером переписи 1897 г. и аналогичных последующих мероприятий делают невозможным прямое сопоставление их данных, поскольку описывают различные этапы состояния общества и различные представления об исследуемом предмете. В этническом плане российское общество домодерновой и модерновой эпох – это различные явления. При наличии некоторых точек соприкосновения между сведениями, полученными в 1897 г. и 1926 г., они все же описывали во многом разные общества. Распространенные сегодня в историографии идеи о типологической идентичности этнодемографических данных переписи 1897 г. и аналогичных советских массовых статистических мероприятий представляются ошибочными, ибо описывают различные этапы этнического развития российского общества (на основе такого рода некорректных разновременных сопоставлений основана, например, работа [4]). На наш взгляд, необходимо четко отграничивать «этнические» данные переписи 1897 г., зафиксировавшие финальную стадию традиционного общества, от данных 1926 г. и последующих годов, которые характеризовали уже сообщества эпохи модерна.

Административно-территориальное устройство Российской империи практически игнорировало этнический фактор и со времен губернской реформы Екатерины II было основано на удобстве управления подвластными землями. Советское административно-территориальное деление, учитывавшее в немалой степени экономические интересы, тем не менее, впервые сделало одной из основ пространственного устройства страны в полиэтничных регионах этнический фактор. При всем том, что проживавшее на этих территориях до революции и после нее население в физическом и культурном планах не изменилось, говорить о его абсолютной преемственности с точки зрения этнической идентичности нельзя.

Башкирская АССР (в границах, установленных 14 июня 1922 г.) была отчасти территориальным преемником Уфимской губернии. Во вновь созданной республике русское население составляло большинство, поэтому для последующего анализа особенностей его этнического развития в условиях национального региона большой интерес представляет его характеристика на основе статистических данных переписи 1897 г. На важность историко-демографических свидетельств XIX в. для исследования процессов и закономерностей развития этнических и национальных культур в XX в. указывал в свое время Р. Г. Кузеев [5, с. 211].

В плане этнокультурной идентичности население (как русское, так и башкирское) Башкирской АССР также не полностью наследовало населению Уфимской и Оренбургской губерний, поскольку, например, в 1897 г. русскими считались лица с родным великорусским языком (к группе «русских языков» относились великорусский, малорусский и белорусский [1, с. 42]), и этот критерий дополнялся принадлежностью к православия, а башкиры были больше не этнической, а социальной категорией (сословием), включавшей в себя группы, впоследствии вернувшиеся в состав соседних этносов. Кроме того, в последующее время произошли изменения в самих понятиях «башкирский язык», «татарский язык», «тептярский язык», «мещеряцкий язык» (последние два в советских переписях стали учитываться в составе татарского языка), что также делает вообще невозможным прямое сопоставление материалов дореволюционных и советских переписей.

К сожалению, это важное обстоятельство многими авторами игнорируется. В местной историографии на эти важные вопросы внимание пока не обращается, что приводит исследователей к неверным выводам относительно изучаемых ими сообществ. Так, в специальной работе, посвященной анализу хода проведения переписи 1897 г. на территории Казанской губернии применительно к татарскому населению, подробно описан процесс подготовки и реализации данного мероприятия, но совершенно не рассматривается вопрос о том, какой представлялась в то время этническая конфигурация татар Среднего Поволжья интеллектуалам и чиновникам [3]. Недавно Ч. Стейнвелд в ряде своих публикаций, основанных преимущественно на этнодемографическом материале, показал, как шли процессы формирования современных представлений об этнической идентичности у башкир [8] и русского населения Уфимской губернии [10].

Поэтому, чтобы не путать этнические обозначения населения региона в дискурсе конца XIX в. с советским дискурсом, мы далее будем называть этнических групп в материалах переписи 1897 г. брать в кавычки. Согласно этой переписи, первое место по численности в Уфимской губернии занимали тогда «башкиры», а второе – «великороссы», точнее те, для кого русский язык был родным (834135 чел., 37,97%) [1, с. VII]. Наиболее высокая концентрация лиц с родным русским языком была в Уфимском уезде (228302 чел., 27,37%), затем шли в порядке уменьшения численности Бирский, Стерлитамакский, Мензелинский, Златоустовский и Белебеевский уезды. Эти цифры показывают, что «русское» население селилось в городах, вблизи городов,

в промышленных центрах, а также в сельскохозяйственных районах. Кроме того, концентрация «русского» населения отражала историю заселения русскими территории Башкирии: русские заселяли край с севера, северо-востока и с запада, с крупным очагом в центре (вокруг Уфы), поэтому численность «русских» была высокой на севере (Бирский уезд) и в центре (Уфимский уезд), на западе (Мензелинский уезд) [6, с. 47-49]. В Златоустовском уезде, несмотря на его промышленный характер, «русских» было меньше, поскольку этот центр индустрии создавался в период, когда уральская промышленность уже прошла высшую точку своего развития. Указанные показатели численности «русских» Уфимской губернии коррелируются с переписями населения советской Башкирии [Там же, с. 49-50], что позволяет сделать вывод об определенной преемственности «русского» населения «образца 1897 г.» советскими и постсоветскими русскими.

Однако следует иметь в виду, что в промышленных и городских центрах, а также вблизи них в результате ассимиляционных процессов русский язык становился родным и для части нерусского и неправославного населения. На основании этого современный исследователь, оперирующий характерными для XX в. представлениями об этничности и не учитывающий особенности российского этнического дискурса конца XIX в., может сделать неверный вывод о том, что определение национальности по родному языку вело к завышению численности русского населения. В действительности, никакого искажения здесь нет, поскольку в рассматриваемое время человек, признававший своим родным языком русский язык, считался этническим русским. Но поскольку в то время доминирующим фактором идентичности человека было вероисповедание, одного языка было мало, и потому русским мог считаться не только тот, для которого родным языком был великорусский, но и тот, кто был еще и православным. Вот почему эти два критерия были в переписи 1897 г. обозначены как взаимосвязанные факторы, определяющие этническую принадлежность. В советских и постсоветских переписях, где критерием этнической принадлежности являлось этническое самосознание, стало возможным выделить в отдельные группы русских с родным русским языком и нерусских, для которых русский язык являлся родным.

Еще одним внешним фактором, который надо иметь в виду, оценивая результаты переписи 1897 г. и условия ее проведения, были ограничительные меры властей в отношении, в частности, мусульманского и украинского населения империи в 1880-1890-е гг. [2, с. 24-25, 32-34, 809-820; 5, с. 146-147]. Они, несомненно, способствовали искусственному росту численности «русских» в Уфимской губернии.

Как уже отмечалось выше, для более «точного» выяснения этнографического состава населения Уфимской губернии критерии родного языка были соотнесены с показателями «вероисповедного состава», что дало следующие данные: 96,03% тех, для кого великорусский, малорусский и белорусский языки были родными, оказались православными, а 3,89% – старообрядцами [1, с. VIII]. Если учесть, что численность тех, для кого великорусский язык был родным (800792 лиц обоего пола) абсолютно доминировала над носителями малорусского и белорусского в качестве родного (соответственно, 4952 и 497 чел. обоего пола) [Там же, с. 42], то можно сделать вывод, что почти все «русские» Уфимской губернии были православными, а православные, в свою очередь, были в лидерах по грамотности среди других вероисповеданий – 53,54% [Там же, с. X].

«Русское» и все остальное население губернии было в основном занято в сельскохозяйственной сфере, поскольку в массе своей было крестьянским. Но вот почти все следующие показатели резко отличают «русских» от остальных этнических групп. Так, следующими занятиями после крестьянских у «русских» были вспомогательные занятия, служба в качестве прислуги, поденщина. Материалы переписи показывают, что «русские» лидировали в промышленности, в первую очередь, в металлургии, строительстве, ремонтных работах, на железнодорожном транспорте, высока была их доля в переработке растительного и животного сырья, лесоводстве и лесных промыслах. Почти полностью «русскими» были губернская администрация, суд и полиция, наука, литература, искусство, учебная деятельность, здравоохранение и т.д., т.е. фактически все ключевые отрасли региональной экономики и вся система региональной власти [Там же, табл. XXII]. «Русские», несмотря на то, что не были в губернии доминирующей этнической группой, лидировали по численности в составе потомственных дворян, личных дворян и чиновников-недворян, лиц духовного звания, купцов и мещан [Там же, табл. XXIV]. И если доминирование русских в несельскохозяйственной экономике было связано с высокой степенью их модернизации по сравнению с другими местными этническими группами, то лидерство в административных органах и в привилегированных сословиях обуславливалось издавна существовавшими институциональными ограничениями, наложенными имперской властью в отношении «кинородцев».

Из числа великорусских по языку, православных и единоверцев по вероисповеданию, т.е. тех, кого можно считать «русскими» (800792 чел. обоего пола), 127469 мужчин и женщин в губернии были грамотными (15,92%) [Там же, с. 42], при этом число грамотных мужчин (94538) превышало число грамотных женщин (32931), т.е. на каждого грамотного мужчину приходилось 2,9 неграмотных женщины [Там же]. В сельской местности (уездах без городов) эта пропорция была выше – 3,6 (74097 мужчин и 20442 женщины), а в городах значительно ниже – 1,6 (20411 мужчин относительно 12484 женщины) [Там же, с. 42, 46].

В Уфимском уезде (здесь и далее данные по уездам даются без городской статистики) грамотных «русских» было 12,23% (21905 из 179138), в Белебеевском – 9,20% (9784 из 106326), в Бирском – 13,83% (18112 из 130924), в Златоустовском – 17,1% (16432 из 96040), в Мензелинском – 13,35% (15550 из 116451), в Стерлитамакском – 11,01% (12756 из 115856) [Там же, табл. XV].

В соотношении с данными о численности «русского» населения губернии эти цифры в целом показывают четкую связь между собой. Лишь самый «русский» Уфимский уезд по степени грамотности его «русских» занимал пятое место, а больше всего грамотных «русских» было в Златоустовском уезде (что вызвано

его индустриальным характером, быстрым развитием капиталистических отношений, сравнительной зажиточностью населения [7, с. 241]).

Для «русского» населения городов был характерен высокий процент «холостых и девиц», т.е. лиц, никогда не состоявших в браке. В среднем по городам численность таковых превышала численность семейных в 1,33. При этом лидером такого положения была Уфа, где этот показатель равнялся 1,39. Однако эти цифры не должны вводить в заблуждение – они свидетельствуют о большой доле у «русских» официально неоформленных браков. Более патриархальных традиций придерживались «русские» Златоуста (превышение числа несемейных над семейными – 1,17) и Стерлитамака (1,23) [1, с. 80-81]. Аналогичный средний показатель по уездам без городов дает цифру 1,27. При этом процент разведенных как в сельской местности, так и в городах был ничтожно мал, что является свидетельством глубокой патриархальности «русского» населения губернии [Там же, табл. XVI].

Среди фиксированных переписчиками физических недостатков – слепоты, глухонемоты, немоты, умалишенности – у «русских» губернии на первом месте было последнее, на втором – проблемы со зрением, а затем все остальное. При этом численность страдавших этими увечьями в городах была меньше, чем в сельской местности [Там же, табл. XVIII], что было вызвано лучшей организацией здравоохранения в урбанизированных центрах.

Таковы лишь некоторые демографические характеристики, которыми по данным переписи 1897 г. можно описать «русское» население Уфимской губернии. Через несколько лет после ее проведения произошли фундаментальные изменения в самом объекте и предмете такого рода статистических мероприятий. Рост этнического самосознания в форме национализмов современного типа привел к изменению представлений об этнических общностях и критериев их описания. Соответственно, из числа «русских» переписи 1897 г. выделились группы, примкнувшие к другим общностям (например, такое произошло с украинцами [6, с. 92-94]), а сами «русские» превратились в русских современного типа. Но многие показатели, характеризовавшие их как этническую общность в 1897 г., в целом присутствовали и в последующих советских переписях. Это касалось, в частности, расселения, структуры занятий, доминирования в системе советского истеблишмента. Поэтому в определенных явлениях преемственность между «русскими» конца XIX в. и русскими XX столетия сохранялась.

Список литературы

1. **Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.** СПб., 1904. Т. XLV: Уфимская губерния. Тетрадь 2.
2. **Дякин В. С.** Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб.: ЛИСС, 1998. 1000 с.
3. **Загидуллин И. К.** Перепись 1897 г. и татары Казанской губернии. Казань: Татарское книжное издательство, 2000. 223 с.
4. **Кабузан В.** Русские в мире: динамика численности и расселения (1719-1989): формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Блиц, 1996. 351 с.
5. **Кузеев Р. Г.** Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.
6. **Кучумов И. В.** К проблемам идентичности и межкультурного взаимодействия (на примере русского населения Башкортостана). Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2010. 136 с.
7. **Роднов М. И.** Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900-1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2002. 314 с.
8. **Стейнвелд Ч.** Племя, сословие или национальность? Изменения в характере башкирской обособленности в контексте российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семенова. Казань, 2004. С. 473-500.
9. **Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897.** Stuttgart, 1991. Bd. 1-2. 580+580 S.
10. **Steinwedel Ch.** The 1905 Revolution in Ufa: Mass Politics, Elections, and Nationality // Russian Review. 2000. Vol. 59. № 4. P. 555-577.

CHARACTERISTIC OF THE RUSSIAN POPULATION OF UFA REGION ACCORDING TO THE FIRST RUSSIAN IMPERIAL CENSUS OF 1897

Kuchumov Igor' Vil'sovich, Ph. D. in History, Associate Professor
R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies of Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
ivku@yandex.ru

In the article the demographic indices of the Russian population of Ufa region in 1897 are considered. Special attention is paid to the criteria of ethnic identity. It is shown how the process of identity changing from confessional to ethnic was reflected in the results of population quantity according to the Russian imperial census of 1897. The socio-economic characteristic of the Russian population of Ufa region according to the data of the stated census is presented.

Key words and phrases: the Russians; Ufa region; population censuses; ethnic identity; confessional identity.